

полития

А.И.Швырков

ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ КАК АНАЛОГ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Ключевые слова: теория демократии, научно-исследовательская программа, ядро программы, пояс защитных гипотез

Некоторые из представленных ниже идей были первоначально высказаны в моей статье «Конец демократии, или Демократия как научно-исследовательская программа»¹, где я попытался приложить аппарат теории научно-исследовательских программ Имре Лакатоса² к анализу теории демократии³. При том что под большинством сформулированных там мыслей я бы подписался и сегодня, основной посыл был не совсем верен. Прежде всего потому, что, строго говоря, теория демократии не является научно-исследовательской программой. Она возникла не как научно-исследовательская программа, и мы вряд ли можем утверждать, что впоследствии она полностью в таковую трансформировалась. Но как же тогда быть с моей только что заявленной готовностью подписаться под выраженными в упомянутой статье мыслями? Объяснение этому есть, пусть и довольно парадоксальное: хотя по своей природе теория Лакатоса едва ли подходит для анализа теории демократии, многие ее результаты действительно пригодны для использования в этих целях, поскольку возможно создать теорию, в рамках которой подобный анализ будет корректным и которая по своей форме будет *сходна* с теорией Лакатоса (или по отношению к которой эту последнюю можно будет рассматривать как *частный случай*).

Постараюсь пояснить вышесказанное как раз на примере своей статьи.

Итак, теория Лакатоса в ее чистом виде (и даже в модифицированном, в котором она была использована в моей статье) не может применяться к теориям типа теории демократии. Это связано в первую очередь с тем, что теория Лакатоса была разработана на материале физики, то есть *естественной* науки. Естественные же науки имеют принципиально отличную от гуманитарных наук направленность, структуру, принципиально иные цели, методы и т.д. Во всяком случае, мы должны предполагать, что такое использование не будет в достаточной степени корректным, если у нас есть сомнения по поводу приложимости теории Лакатоса к анализу теории демократии, — а сомнения, безусловно, есть.

При всем том в своих общих чертах массив теорий, обычно обозначаемый как теория демократии, может *походить* на те массивы

¹ Швырков [Shvyrkov] 2010.

² Лакатос [Lakatos] 2003.

³ Обзор работ, в которых нечто подобное было сделано применительно к экономическим теориям, см. Гурова [Gurova] 1998. См. также Blaught 1986; Glass 1989; Eggertson 1992.

теорий, которые Лакатос называет научно-исследовательскими программами. Несмотря на то что способы формирования этих массивов нередко отличаются друг от друга, их форма, структура, законы трансформации могут в значительной степени совпадать. Аналогичным образом могут быть сходны законы борьбы между различными научно-исследовательскими программами и законы борьбы между массивами теорий типа теории демократии. Именно поэтому применение к последним теории Лакатоса и способно давать вполне удовлетворительные результаты — хотя, повторюсь, само это применение не является строго научно обоснованным.

Иными словами, при анализе гуманитарных теорий (вернее, массивов таких теорий) мы действительно можем применять положения *типа* сформулированных Лакатосом, не забывая при этом, однако, что по своей сути данные положения не обязательно должны быть тождественны лакатосовским.

Для более же строгого обоснования возможности применения подобных положений необходимо, как уже упоминалось, разработать особую теорию, которая будет либо обобщением теории Лакатоса, либо ее аналогом для гуманитарной сферы⁴.

⁴ *Некоторые шаги в этом направлении я уже предпринял (см. Швырков [Shvyrkov] 2014).*

Таким образом, в настоящей работе я попытаюсь *переписать* свою ранее опубликованную статью, учитывая представленные выше соображения.

Коль скоро теория Лакатоса послужит чем-то вроде *шаблона* для дальнейших рассуждений, есть смысл кратко напомнить ее ключевые положения.

Как известно, историю науки (точнее, преимущественно физики) Лакатос представлял как процесс постепенной смены научно-исследовательских программ. Подобного рода программы, по его мнению, состоят из *твердого ядра*, то есть набора неких основополагающих (для данной программы) положений, которые запрещено ставить под сомнение, и пояса *гипотез ad hoc*, призванных защищать ядро от опровержения фактами, способными дать к тому повод. Так, если твердое ядро механики Исаака Ньютона — это три его знаменитых закона плюс закон всемирного тяготения, то гипотезы *ad hoc* — это гипотезы, более или менее успешно объясняющие опыты и наблюдения, вроде бы противоречащие этим законам.

В структуру программы входит также *отрицательная и положительная эвристика*. Отрицательная эвристика запрещает подвергать критике в рамках программы положения, составляющие ее ядро. Положительная эвристика — это принципы, приемы исследований, проводимых в данной программе. Например, в программе Ньютона один из принципов, составляющих положительную эвристику, звучал так: «Планы — это вращающиеся волчки приблизительно сферической формы, притягивающиеся друг к другу»⁵.

⁵ *Лакатос [Lakatos] 2003: 83.*

Бывают периоды, когда бок о бок существуют несколько научно-исследовательских программ, борющихся друг с другом. В ходе этой

борьбы, как правило, на первый план постепенно выходит одна из них, остальные же вытесняются на периферию. Это, однако, вовсе не означает, что по прошествии времени какая-то из них не может оттеснить лидера, — в этом коренное отличие теории Лакатоса от теорий Карла Поппера⁶ и Томаса Куна⁷.

⁶ Поппер [Popper] 1983.

⁷ Кун [Kuhn] 1977.

Программа является *теоретически прогрессивной* (i.e. обеспечивает теоретически прогрессивный сдвиг проблематизаций), если каждая новая теория, появляющаяся в ее рамках, имеет некое добавочное, по сравнению с более ранней теорией, эмпирическое содержание, то есть предсказывает какие-то новые, ранее неизвестные факты. Программа является *эмпирически прогрессивной*, если какая-то часть этого добавочного содержания *подкреплена*, то есть каждая новая теория действительно ведет к открытию новых фактов. Чтобы научно-исследовательская программа была *прогрессивной*, она должна быть прогрессивной и в теоретическом, и в эмпирическом отношении. В противном случае она будет регрессивной. Таким образом, можно утверждать, что если программа прогрессивна, то она достаточно успешно выполняет свои функции. Если регрессивна — то нет. Прогрессивный сдвиг обычно обеспечивается изменениями в положительной эвристике.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу теории демократии, следует прояснить еще один важный момент.

Не может ли оказаться так, что теория демократии не является единым массивом теорий, i.e. массивом, объединенным неким набором общих принципов или черт и имеющим общее *ядро*, а содержит в себе *несколько* таких массивов, которые и должны рассматриваться как аналоги научно-исследовательских программ? Или, в еще более радикальной формулировке: не может ли оказаться так, что теория демократии — это на самом деле просто конгломерат теорий, то есть массив, состоящий из теорий, никак особенно не связанных между собой? Остановлюсь на этом последнем, более радикальном варианте.

⁸ Skinner 1969.

В пользу подобной точки зрения вроде бы свидетельствует множество обстоятельств. Например, те, на которые указывает Квентин Скиннер⁸. Напомню, что, по мнению Скиннера, существование «вечных тем» в философии — не более чем иллюзия, и, говоря, казалось бы, об одних и тех же вещах, философы часто имеют намерение выразить совершенно разные идеи. Соответственно, те тексты, которые ученый мир относит к *каноническим*, на самом деле таковыми не являются.

Полностью разделяя эти умозаключения Скиннера, я тем не менее не считаю, что из них непосредственно вытекает невозможность трактовки теории демократии как аналога научно-исследовательской программы. Прежде всего потому, что Скиннер рассматривает те или иные философские теории и идеи преимущественно в их отношении к *фактам*, а не к другим теориям. В этом смысле и канонические тексты, и вечные идеи действительно легко утрачивают свой статус (канонических и вечных). Однако, если рассматривать теории в отношении

не к фактам, а друг к другу, ситуация меняется. В этом случае теории вполне могут образовывать во многом замкнутую саму на себя целостность, систему — например, ссылаясь друг на друга или используя сходные наборы понятий. Можно предположить, что на каком-то этапе в результате накопления определенной массы теорий в действие вступают законы, так сказать, *внутренние* для такой массы. А это означает, что новые теории могут рождаться не только (а может быть, и *не столько*) в связи с появлением новых фактов, но и благодаря *другим теориям*.

К тому же не стоит столь уж пренебрежительно относиться к факту конвенционального признания некоего набора теорий целостностью. Ведь именно благодаря подобным конвенциям и становятся возможны такие науки, как, скажем, политология. Рискну предположить, что конституирование той или иной науки, особенно гуманитарной, путем выделения ее *предмета* является не чем иным, как *рационализацией*, закреплением *post factum* той ситуации, которая сложилась вследствие совсем других причин (включая те, о которых шла речь в предыдущем абзаце).

Важно отметить, что конвенциональное признание некоторого массива теорий не просто конгломератом всегда сопровождается выделением набора канонических для него теорий, а также составлением списка основных их тем. Можно сказать, что данный процесс и представляет собой консолидацию массива теорий — аналога научно-исследовательской программы. Завершение этого процесса — главный признак успешной консолидации.

Что касается теории демократии, то ее консолидацию, судя по всему, следует отнести к 50-м годам прошлого столетия. Именно тогда появляются соответствующие разделы учебников, соответствующие учебные курсы, да и само словосочетание «теория демократии».

Именно с этого момента некоторые философы и ученые начинают рассматриваться как «заложившие основы» теории демократии, сформулировавшие ее ключевые проблемы, разработавшие ее понятийный аппарат и т.д.

Появлению теории демократии предшествовало появление значительного числа государств, именовавших себя демократическими. Вероятно, этот факт во многом и послужил толчком к институционализации разнообразных исследований, дотоле, возможно, слабо друг с другом связанных, в качестве теории демократии.

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что именно с появлением теории демократии все больше исследований стало посвящаться не построению абстрактных моделей идеального общественного устройства, а анализу существующих «демократических» государств. Другими словами, из объекта умозрительного конструирования демократия начала превращаться преимущественно в объект изучения.

Итак, приведенные соображения дают нам некоторые основания полагать, что массивы теорий типа того, что мы называем теорией

демократии, действительно могут рассматриваться в качестве не просто массивов, а массивов, определенным образом структурированных.

Далее мы вправе предположить, что, по аналогии с естественнонаучными программами, каждый из таких массивов будет иметь *ядро*.

Подобное ядро, вообще говоря, не обязательно должно полностью содержаться в некоей *первичной* теории (это, кстати, справедливо и для естественных наук). Вполне возможно, что оно будет «размазано» по разным теориям, причем значительно отстоящим друг от друга во времени. Очевидно, что такими теориями могут быть только канонические теории.

NB! В качестве первичных для теории демократии обычно указывают теории Платона или Аристотеля. Вместе с тем, как представляется, теорию демократии чаще возводят к теориям, возникшим в Новое время (в частности, Томаса Гоббса и Джона Локка)⁹. Истоки такого положения вещей кроются, вероятно, в том, что между Новым временем и эпохой античности существует довольно большой разрыв, причем не только во временном отношении, но и в плане *наличия* теорий. Возможно, сложившаяся ситуация обусловлена также тем, что тематика и понятийный аппарат произведений философов Нового времени нам ближе, чем тематика и понятийный аппарат трудов античных и даже средневековых авторов. Еще один важный момент — язык. Если с греческим или латынью сегодня знакомы лишь единицы, то на том же английском говорит большинство ученых.

⁹ См. Салмин [Salmin] 2009.

Можно предположить, что ядро не только «размазано» по каноническим теориям, но и полностью в них содержится. В силу этого, а также иных особенностей гуманитарного знания выделить ядро массива теорий типа теории демократии значительно труднее, чем ядро естественнонаучной программы.

Можно также предположить, что, поскольку ядро естественнонаучной программы выделить легче, чем ядро ее гуманитарного аналога, первичность выделения базовой теории в данном случае не замечается. Напротив, когда мы имеем дело с гуманитарными теориями, то сначала, как правило, выделяем некую теорию (корпус теорий) и лишь потом переходим (можем перейти) к попыткам сформулировать ядро. При этом содержание положений, составляющих указанное ядро, может практически до бесконечности переинтерпретироваться.

И снова вопрос. Не означает ли этот последний факт, что нам следует отказаться от самого понятия ядра, остановившись на уровне канонических теорий (тем более что для квалификации некоего массива гуманитарных теорий как собственно массива достаточно соблюдения менее строгих условий — о некоторых из них речь уже шла выше)?

Думаю, что на самом деле это не вопрос выбора, ибо переинтерпретация некоего ограниченного набора положений, содержащихся в канонических теориях, — неперенный этап построения любой

гуманитарной теории. Но такой переинтерпретируемый набор положений — это и есть ядро.

Другими словами, как бы мы ни оценивали возможность выделения ядра, способ построения любой теории по своей форме во многом представляет собой не что иное, как процесс его выделения (с последующей интерпретацией). Более того, такой способ построения теории — важнейшее основание утверждать, что вести речь о массивах теорий, аналогичных научно-исследовательским программам, действительно корректно¹⁰.

Надеюсь, приведенные рассуждения несколько снизили опасения относительно возможности построения той теории, о которой шла речь в начале статьи, и можно перейти собственно к ее построению (используя для этого теорию Лакатоса как нечто вроде плана).

Начну с *ядра* теории демократии. Как уже отмечалось, для массивов теорий, подобных теории демократии, однозначно определить ядро гораздо сложнее, чем выделить набор канонических теорий (последнее можно осуществить, просто воспользовавшись *статистикой*: какие теории чаще всего упоминают, когда говорят о современной демократии и ее истоках, те и являются каноническими). Тем не менее это возможно, причем примерно тем же способом: к каким понятиям и идеям чаще всего обращаются в соответствующей литературе, вокруг каких понятий и идей образуется наиболее плотное «облако» толкований, те и составляют ядро.

Как я попытался показать выше, о формировании пула канонических теорий и, следовательно, о возможности выделения ядра теории демократии можно стало говорить сразу после того, как произошло оформление некоего множества теорий в данном качестве (то есть в качестве теории демократии). О таком оформлении свидетельствовало появление соответствующих учебных курсов, учебников, словарей. По Лакатосу, ядро — это всегда относительно небольшое число положений, причем положений хорошо известных и достаточно простых. Поэтому, чтобы сформулировать положения, составляющие ядро теории демократии, именно словарями и стоит воспользоваться.

Итак, «демократия (греч. *δημοκρατία* — „власть народа“, от *δῆμος* — „народ“ и *κράτος* — „власть“) — вид политического устройства государства или политической системы общества, при котором единственно легитимным источником власти в государстве признается его народ. При этом управление государством осуществляется народом либо напрямую (прямая демократия), либо опосредованно, через избираемых представителей (представительная демократия).

<...> Главная формула понятия демократии... заключена в формулировке „права и свободы человека и гражданина“, где „права“ являются категорией законодательно регулируемой свободы, а „свободы“ — формой свободы, необходимой для бытового использования и прямо не регулируемой законодательством, но являющейся неотъемлемой частью концепции общества, закрепленной в Основном законе»¹¹.

¹⁰ Разницу между положениями, составляющими ядро программы в естественных и гуманитарных науках, можно определить следующим образом: в естественных науках подобные положения — это, так сказать, краугольные камни соответствующих теорий, в науках же гуманитарных — это камни преткновения.

¹¹ Демократия [Demokratija] б.г.

Или еще в том же духе, только короче: «На всем протяжении истории демократические государства различались между собой. Тем не менее они имеют следующие общие черты:

- признание народа источником власти, сувереном в государстве;
- равноправие граждан как исходное социальное состояние;
- подчинение меньшинства большинству при принятии решений и их выполнении;
- выборность основных органов государства»¹².

¹² Демократия: теория [Demokratija: teorija] б.з.

Таким образом, можно предположить, что ядром теории демократии будут утверждения типа: высшая власть в государстве принадлежит (должна принадлежать) всем гражданам; все люди имеют (должны иметь) равные права; все люди свободны (должны быть свободны) и т.п.

Отрицательная эвристика теории демократии, очевидно, запрещает ставить под сомнение (естественно, в рамках этой теории) данные положения — как каждое в отдельности, так и все вместе.

Прежде чем перейти к рассмотрению *положительной эвристики* теории демократии, необходимо сделать некоторые уточнения относительно того, что следует считать прогрессивным сдвигом проблематизаций в случае теорий, касающихся общественного устройства (в том числе, разумеется, и теории демократии).

Как известно, теории, входящие в массив, именуемый теорией демократии, подразделяют на *нормативные* и *дескриптивные*. Нормативные теории представляют модели общественного устройства, реализация которых должна, по мнению их создателей, привести общество к такому состоянию, когда требования, сформулированные в положениях ядра (или отдельных его компонентах), будут удовлетворены в максимальной степени. Дескриптивные теории — это теории, которые описывают режимы, именующие себя демократическими. Я бы еще выделил в отдельную категорию теории, которые анализируют, почему реализация той или иной нормативной теории не привела к достижению желаемого результата¹³. Обозначу такие теории как *критические*. В свою очередь, совокупность критических и дескриптивных теорий предлагаю называть *эмпирической* частью теории демократии.

¹³ См., напр. Хантингтон [Huntington] 2004. Естественно, отношения между моделью и реальностью гораздо сложнее. Ведь модель может быть не только умозрительной, но и основываться на действительно существующих государственных и социальных системах. Вспомним хотя бы «идеальное государство» Платона, в значительной своей части построенное по образу Спарты.

Как же следует понимать прогрессивный сдвиг проблематизаций в случае теорий общественного устройства вообще и теории демократии в частности? Думаю, с учетом только что сказанного наиболее вероятной будет следующая версия.

О прогрессивном сдвиге вести речь следует тогда, когда реализация некоторой модели приводит к такому состоянию общества, которое в наибольшей степени удовлетворяет требованиям, вытекающим из положений ядра. Если будет сочтено, что подобного прогрессивного сдвига не наблюдается, идеальная модель может подвергнуться пересмотру (разумеется, при сохранении ядра).

Положительной эвстикой в случае теорий общественного устройства, очевидно, будет набор принципов и подходов, благодаря

применению которых этот сдвиг достигается. Например, такой: человек есть социальный атом, преследующий собственные цели.

Основное затруднение, связанное с прогрессивным сдвигом применительно к массивам теорий типа теории демократии, заключается в том, что увидеть сдвиг, *ощутить* его чаще всего можно лишь через значительный промежуток времени после воплощения теории. Наличие этого временного лага является основанием для сомнений, что удовлетворение требований теории было достигнуто именно вследствие ее воплощения. По сути, речь идет о произвольном решении некоего философа или ученого начать пересмотр теории, поскольку ему показалось, что «материализация» прежних теорий не привела к желаемому результату. Учитывая, что даже самое точное претворение в жизнь той или иной теории не гарантирует реализации положений, составляющих ядро, такой пересмотр, вообще говоря, может начаться в любой момент. Причем поводом к нему могут послужить совершенно случайные обстоятельства, не имеющие прямого отношения к проблематике теории (например, поражение в войне, экономический кризис и т.п.).

И еще один важный момент.

То, что большинство современных политических институтов, в том числе ассоциируемых с демократией, сложилось задолго до появления соответствующих теорий (а иногда даже до появления письменности вообще), вовсе не означает, что у нас не может быть нормативных теорий этих институтов.

Действительно, в ходе развития общества вполне стихийно сформировались некие практики, которые на протяжении многих столетий существовали без какой-либо теории. Однако *говорить* об этих практиках как об общественных/политических институтах стало возможным только после того, как возникли теории, причем теории нормативные, в которых вводились соответствующие понятия, описывались определенные параметры институтов и т.д. Нормативными же они были потому, что интенцией авторов подобных теорий чаще всего было не описание, постижение и т.п., а преобразование реальности.

Ближайшее следствие подобного происхождения теорий (и доказательство такого их происхождения) — от институтов начинают *требовать*, чтобы они функционировали определенным образом, а также ожидают, что их (причем *именно их*) функционирование обеспечит достижение некоего желаемого состояния общества.

Таким образом, на нормативность теорий никак не влияет то обстоятельство, что институты, которые они описывают, возникли *до* появления этих теорий. Более того, именно благодаря теории те или иные институты и становятся институтами.

Важным представляется вопрос о соотношении нормативной и эмпирической частей теории демократии (и вообще любого гуманитарного аналога научно-исследовательской программы).

Очевидно, что при зарождении теории демократии доля первой была значительно больше доли второй — это был период создания

«канонических» теорий (Гоббса, Локка, Шарля Монтескьё, Жан-Жака Руссо, Иммануила Канта, Джона Стюарта Милля, Алексиса де Токвиля и некоторых других). Можно сказать, что в то время философы не боялись фантазировать (впрочем, что им еще оставалось, если эмпирические методы исследования не были развиты, отсутствовала необходимая материальная база для проведения эмпирических изысканий и т.д.?).

По мере развития теории (или ее воплощения) соотношение данных долей существенно менялось: нормативная часть увеличивалась медленно, эмпирическая же росла быстро (во многом ввиду развития социологии, в том числе прикладной)¹⁴.

Что касается пояса защитных гипотез, то здесь мы наблюдаем следующую ситуацию. Поскольку гипотезы *ad hoc* призваны объяснить несоответствие тех или иных фактов теории, генерацию таких гипотез обеспечивает только эмпирическая часть рассматриваемой теории (коль скоро факты — это область опыта).

По каким признакам можно судить о том, что возможности того или иного массива теорий — аналога научно-исследовательской программы на исходе? У Лакатоса, то есть в случае естественнонаучных программ, об этом свидетельствует неспособность программы обеспечить прогрессивный сдвиг проблематизаций. Однако это слишком общий, абстрактный критерий. Его трудно применять на практике, особенно когда речь идет о гуманитарных теориях. Более эффективен другой. А именно: *судить о том, что аналог исследовательской программы начинает исчерпывать свой ресурс, можно по стабильному увеличению количества генерируемых гипотез ad hoc*. Но за генерацию такого рода гипотез в интересующем нас случае отвечает эмпирическая часть теории. Поэтому первейший (совершенно формальный) признак того, что некий гуманитарный аналог научно-исследовательской программы вступает в фазу стагнации, — это стабильное расширение его эмпирической части¹⁵. Возможно, что начало данной фазы (увеличения числа гипотез *ad hoc*) совпадает с моментом институционализации аналога научно-исследовательской программы.

При этом нормативная часть, вообще говоря, тоже может расти. Однако она во многом утрачивает свою самостоятельность и первичность: те или иные нормативные положения возникают как укорененные в эмпирическом материале, полностью подчиненные ему. Они, как правило, служат не столько дополнением к ядру или тем более альтернативой образующим его утверждениям (ядро, как мы помним, не может быть поставлено под сомнение), сколько временным паллиативом. В случае с теорией демократии типичный пример такой ситуации дает концепция *полиархии* Роберта Дала¹⁶.

Как известно, в современную политологию термин «полиархия» был введен Далем в 1953 г. Под полиархией (др.-греч. *πολιαρχία* — «многовластие, власть многих») он понимал политическую систему, основанную на открытой политической конкуренции различных групп в борьбе за поддержку избирателей.

¹⁴ «Благодаря Токвилю и его последователям демократия становится предметом эмпирико-социологического изучения, а не только философского или исторического анализа» (Салмин [Salmin] 2009: 20). Но роль Токвиля этим, разумеется, не исчерпывается.

¹⁵ Учитывая сказанное выше о выделении ядра массива теорий — аналога научно-исследовательской программы, можно предположить, что о начале вхождения такого аналога в фазу стагнации сигнализирует уже сам факт осознания возможности выделения ядра.

¹⁶ Даль [Dahl] 2010.

Помимо прочего термин «полиархия» применяется для того, чтобы отличать современные воплощения демократии как от идеала, так и от исторических разновидностей демократии в городах-государствах. Даль рассматривает полиархию как «очищенный» вариант существующих систем и приходит к выводу, что ее институты необходимы (хотя, возможно, недостаточны) для достижения «идеальной» демократии. Модель полиархии также используется в качестве стандарта для измерения уровня демократии.

Таким образом, поскольку из анализа фактов следует, что народовластия *per se* практически нигде не наблюдается (да и не наблюдалось), концепция полиархии может трактоваться как своего рода паллиатив или временная альтернатива первоначальным моделям, задаваемым каноническими теориями. При этом, как видно из сказанного выше, некая степень нормативности — разумеется, меньшая, чем свойственная первоначальным моделям, — присуща и модели полиархии.

Стоит добавить, что, коль скоро концепция полиархии в значительной степени обязана своим возникновением критическому анализу эмпирического материала, рассматриваемого в качестве результатов попыток воплотить идеальные модели (задаваемые, в частности, каноническими теориями), она во многом вторична по отношению к этому материалу.

Аппроксимируя приведенный пример, можно предположить, что упадок того или иного гуманитарного аналога научно-исследовательской программы как раз и сопровождается формированием нисходящей последовательности таких вторичных нормативных моделей, каждая из которых «менее нормативна», «менее идеальна», чем предыдущие¹⁷.

¹⁷ В качестве примера еще одного элемента такой последовательности можно привести теорию Поппера, в работе «Открытое общество и его враги» (см. Поппер [Popper] 1992) призывавшего к созданию такой политической системы, которая была бы нацелена на обеспечение не столько «максимального блага для максимального числа людей», сколько гарантий от худшего правления.

Может возникнуть вопрос: почему такая последовательность должна быть именно нисходящей? Почему бы ей не быть восходящей или колеблющейся? Второй вариант в принципе возможен, хотя, как мне кажется, в целом тренд все равно будет понижающим. Ведь чтобы он был повышающим, «реальность» должна превзойти самые смелые наши ожидания. Однако планка, заданная каноническими теориями, слишком высока. Или другое объяснение: особенности нашей природы заставляют нас вкладывать в утверждения, составляющие ядро теории демократии (как, впрочем, и любой другой социально-политической теории), такой смысл, что как бы «хорошо» ни обстояло дело, мы никогда не будем удовлетворены.

Возвращаясь к разграничению теории демократии на нормативную и эмпирическую, следует заметить, что нормативную ее часть обычно развивали (и развивают) философы, тогда как эмпирическую — социологи и политологи. Причем на протяжении последних 50–60 лет действительно серьезные труды по теории демократии чаще всего писали именно вторые. Это, очевидно, свидетельствует о наличии большого количества фактов, не вписывающихся в нормативные теории, что заставляет приспособлять, приравнивать эти теории к фактам или,

точнее, приспособлять факты к теории. Конечно, далеко не всегда это делается с помощью гипотез *ad hoc*, однако обойтись без них, как правило, не удается. Поэтому можно предположить, что самый наглядный (и опять же совершенно формальный) показатель того, что некий гуманитарный аналог естественнонаучной программы входит в фазу упадка — это стабильное увеличение количества конкретно-научных (политологических, социологических и т.д.), то есть *нефилософских*, теорий, посвященных соответствующей проблематике и носящих *критический* характер.

NB! Отчасти подтверждает, отчасти резюмирует сказанное следующее замечание Карла Мангейма: «Мы не можем более рассматривать демократию как конечное воплощение идеалов, противопоставляемых несовершенной действительности. Здравый взгляд на демократию уже не отождествляет ее со всем самым прекрасным и совершенным, что только способна вообразить самая буйная фантазия. Необходима трезвая критическая оценка, предусматривающая понимание возможных недостатков демократии как предпосылку их исправления»¹⁸. Примечательно, что Мангейм умер в 1947 г., то есть еще до того, как стало возможным говорить о появлении теории демократии и ее консолидации.

¹⁸ Мангейм
[Manheim] 2000:
168

Подытоживая изложенное выше, можно также предположить, что в настоящее время теория демократии во многом исчерпала себя, перестав обеспечивать *прогрессивный сдвиг проблематизаций*.

¹⁹ Напомним, что, по Лакатосу, программы редко уходят в небытие: у любой из них есть шанс вернуться в активный оборот, а поскольку жесткость и непосредственность связи между социально-политической теорией и реальностью наблюдаются редко, для подобных теорий такой поворот событий еще более вероятен, чем для естественнонаучных.

Это, разумеется, вовсе не означает, что в ближайшем будущем так называемые демократические режимы начнут приходить в упадок или даже рушиться. Однако собственно теория будет все больше и больше вязнуть в «контрпримерах», а количество гипотез *ad hoc* множиться. Все меньше и меньше серьезных исследователей, в первую очередь философов, станет посвящать себя разработке теории демократии.

Следует ли ожидать выхода на передний план новой, конкурирующей теории¹⁹? Очевидными претендентами на эту роль выступают различного рода элитистские теории²⁰. Более того, та же теория Даля может рассматриваться как некий гибрид демократических идей и идей элитистских.

²⁰ Одна из последних версий таковой представлена в «Неоократии» Яна Зодерквиста и Александра Барда (Зодерквист, Бард [Söderqvist, Bard] 2004).

Думаю, не стоит отбрасывать и такой вариант, при котором, пройдя фазу упадка, но так и не будучи оттеснена каким-либо иным аналогом научно-исследовательской программы, теория демократии вновь наберет силу. Однако для этого, по всей видимости, понадобится создание нового пула канонических нормативных теорий.

В заключение сформулирую несколько важных, с моей точки зрения, вопросов.

Какое время может существовать гуманитарный аналог научно-исследовательской программы? Одинаково ли оно для всех таких аналогов или для каждого свое? Насколько сильно может трансформиро-

ваться базовая модель с течением времени? И главное, в какой мере «увядание» программы зависит от внешних факторов, а в какой — от внутренних?

Как уже говорилось, вслед за многими другими исследователями я склонен полагать, что ядро современной теории демократии начало формироваться в XVII столетии и в основном сложилось к середине XIX в. Все последующее время ушло на создание пояса защитных гипотез. Поскольку сегодня теория демократии, судя по всему, вступила в фазу стагнации, можно предположить, что время «жизни» данной программы — около 350 лет. Вряд ли это число является магическим. Вполне возможно, что у других аналогов научно-исследовательских программ будет совсем другое время активной «жизни».

Что касается остальных вопросов, то для ответа на них требуются дополнительные, достаточно обширные изыскания.

Библиография

Гурова И.П. 1998. *Конкурирующие экономические теории*. — Ульяновск [Gurova I.P. 1998. Konkuriirujushhie ehkonomicheskie teorii. — Ul'janovsk].

Даль Р.А. 2010. *Полиархия: участие и оппозиция*. — М. [Dahl R.A. 2010. Poliarkhija: uchastie i oppozicija. — M.].

Демократия [Demokratija] (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Демократия>).

Демократия: теория и реальность [Demokratija: teorija i real'nost'] (<http://www.nuru.ru/polit/005.htm>).

Зодерквист Я., Бард А. 2004. *Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. — СПб. [Söderqvist J., Bard A. 2004. Netokratija: Novaja pravjashhaja ehлита i zhizn' posle kapitalizma. — SPb.].

Кун Т. 1977. *Структура научных революций*. — М. [Kuhn T. 1977. Struktura nauchnykh revoljucij. — M.].

Лакатос И. 2003. *Методология исследовательских программ*. — М. [Lakatos I. 2003. Metodologija issledovatel'skikh programm. — M.].

Мангейм К. 2000. Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем // Мангейм К. *Избранное: Социология культуры*. — М. [Manheim K. 2000. Problema intelligencii. Issledovani-ja ee roli v proshlom i nastojashhem // Manheim K. Izbrannoe: Sociologija kul'tury. — M.].

Поппер К. 1983. Логика научного исследования // Поппер К. *Избранные работы* — М. [Popper K. 1983. Logika nauchnogo issledovani-ja // Popper K. Izbrannye raboty — M.].

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. — М. [Popper K. 1992. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. — M.].

Салмин А.М. 2009. *Современная демократия: Очерки становления и развития*. — М. [Salmin A.M. 2009. Sovremennaja demokratija: Oчерki stanovlenija i razvitija. — M.].

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. — М. [Huntington S. 2004. *Politieskiij porjadok v menjajush-hikhhsja obshhestvakh*. — M.].

Швырков А.И. 2010. Конец демократии, или Демократия как научно-исследовательская программа // *Credo new*. № 4 [Shvyrkov A.I. 2010. *Konec demokratii, ili Demokratija kak nauchno-issledovatel'skaja programma* // *Credo new*. № 4].

Швырков А.И. 2014. Об отношениях между политической теорией и реальностью // *Полития*. № 4 [Shvyrkov A.I. 2014. *Ob otnoshenijakh mezhdu politicheskoij teoriejj i real'nost'ju* // *Politeia*. № 4].

Blaught M. 1986. *Economic History and the History of Economics*. — Brighton.

Eggertson T. 1992. *Economic Behavior and Institutions*. — Cambridge.

Glass I. 1989. *Economics: Progressions, Stagnation or Degeneration? An Introduction to the Methodological Issue, Involved in Assessing the Growth of Economic Knowledge*. — N.Y.

Skinner Q. 1969. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. Vol. 8. № 1.